

Ольга Дубровская

Поэзия Марины Цветаевой в контексте проблемы "писатель и власть"

Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica 1, 133-138

1999

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ОЛГГА ДУБРОВСКАЯ
(Дрогобыч)

ПОЭЗИЯ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ „ПИСАТЕЛЬ И ВЛАСТЬ”

Об отношении Марины Цветаевой к „государственным властям” нельзя говорить однозначно. До революционных событий 1917 года ее поэзия вообще не „соприкасалась с проблемой власти; потом наступило резкое непринятие большевистского строя, усиленное событиями личной жизни (смерть младшей дочери, неизвестная судьба мужа). Появляются стихи о Белой гвардии (*Лебединый стан*) с окровенными обвинениями в сторону большевиков, далее в таком же тенденциозном ключе поэмы *Перекоп* и *Сибирь* (последняя о судьбе царской семьи). А перед началом второй мировой войны Марина Цветаева возвратилась в Советский Союз, и этим решением она как бы подтвердила свое согласие с коммунистическим государственным режимом.

Отмеченная неоднозначность в отношениях Цветаевой ко всякого рода властям проявилась и в ее стихах, где она по-разному оценивает прошлое России, ее религию, современные события. Возможно, наиболее показательный пример такого совершенно разного отношения Марины Цветаевой к Советской России – это циклы *Лебединый стан* и *Стихи к сыну*. Если в первом случае перед нами явное осуждение того, что совершают большевики, то во втором – СССР представлен призывами к возвращению, своего рода „землей обетованной” после скитаний:

Да не поклонимся словам!
Русь – прадедам, Россия – нам,
Вам – просветители пещер –
Призывное: СССР, –
Не менее во тьме небес
Призывное, чем: SOS¹

¹ Цитирую по: М. Цветаева, *Стихотворения и поэмы*, Москва 1991, с. 316.

Если в *Лебедином стане* Петр I назван „родоначальником советов“, и тем самым его образ предстает исключительно в отрицательном свете, то в *Стихах к Пушкину* Цветаева уже по-другому рисует Петра I, „благодарит“ его за то, что он привез в Россию предка Пушкина – арапа, и тем самым первый поэт России воспет Цветаевой как „подарок Петра“.

С другой стороны, в том же цикле (*Стихи к Пушкину*) царь Николай I назван „певцоубийцей“, и Цветаева не скрывает своего резко отрицательного отношения к нему, хотя и русский царь и царский престол совсем по-другому были представлены в *Лебедином стане*.

Есть смысл остановиться на цикле *Лебединый стан* более подробно, ибо проблема государственной власти в нем предстает одной из центральных. В этом же цикле читатель встретится с отмечаемой неоднозначностью отношений Цветаевой к прошлому России, ее царям и царицам, ее истории (противопоставление Петра I и его сестры Софьи, восхваление разгула Степана Разина и т. д.). При широком идейном богатстве *Лебединого стана* достоверным остается только факт пропеты славы белогвардейцам. В одном из центральных стихотворений цикла этот мотив звучит так:

Белогвардейцы! Гордые узел
Доблести русской!
Белогвардейцы! Белые грузли!
Песенки русской!
Белогвардейцы! Белые звезды!
С неба не выскresti!
Белогвардейцы! Черные гвозди
В ребра Антихристу!²

В приведенном отрывке в поэтическом стиле Цветаевой слиты воедино античная мифология, русский фольклор и священная история разпятия Христа, противоположно переосмысленная: распинают не Христа, а Антихриста.

Одним из важных мотивов цикла является мотив царя и Бога, в котором мы прослеживаем столь характерное для Марины Цветаевой, оппозиционное отношение к официальной царской власти. В словах Цветаевой часто звучит ирония, а религиозные мотивы усиливают неизбежность случившегося. Таково стихотворение *Царю на Пасху*:

² Здесь и далее стихотворения из цикла *Лебединый стан* цитирую по изданию: М. И. Цветаева, *Лебединый стан. Книга стихов о Белой гвардии. Перекоп. Поэма*, Тирасполь 1991, (репринт).

Настежь, настежь
 Царские врата!
 Сгасла, слышнула чернота.
 Чистым жаром
 Горит алтарь.
 – Христос Воскресе,
 Вчерашний царь!

Пал без славы
 орел двуглавый.
 – Царь! – Вы были неправы.

Помянет потомство
 еще не раз –
 Византийское вероломство
 Ваших ясных глаз...

Ирония, заявленная во фразе „Царь – Вы были неправы”, усиливается образом византийского вероломства царских глаз и венчается строфой, в концепции которой уравнивается все, и царский трон предстает как предвесье котомки странника, нищего:

Царь! – Потомки
 И предки – сон.
 Есть – котомка,
 Коль отнят – трон.

Отмечаемый мотив котомки появляется и в других стихотворениях, в частности в стихотворениях о судьбах белогвардейцев:

С Новым годом, Лебединый стан!
 Славные обломки!
 С Новым годом – по чужим местам –
 Воины с котомкой!

Остатки белогвардейских армий – „обломки”, разбросанные в ходе гражданских войн, тоже предстают „с котомками”, как нищие и цари после свержения. Во всем этом можно увидеть идею равенства всех людей на земле, равенства их судеб, но, однако, общий контекст цикла, его антибольшевистский пафос, позволяют утверждать, что Цветаева во-многом придерживалась монархистских взглядов, хотя с простодушно-фольклорной „окраской”:

Это просто, как кровь и пот:
 Царь – народу, царю – народ...
 Царь опять на престол взойдет,
 Это свято, как кровь и пот.

Наравне с русским престолом воспевает Цветаева и русскую церковь. Гробожи и разгромы большевиками православных храмов после

революции сравниваются Цветаевой с разгромом царской власти. С точки зрения художественной стилистики в этом отношении интересной видится рифмовка в подобного рода стихотворениях: звон – трон, царей – церковей, алтарь – царь.

В названных парных словах одно слово обязательно соотносимо с церковью, а другое – с царской властью. Церковь и царь создают таким образом единое противостоящие надвигающейся Советской власти:

Над черною пучиной водною –
 Последний звон.
 Лавиною простонародною
 Низвергнут трон.
 Волочится кровавым волоком
 Пурпур царей.
 Греми, греми, последний колокол
 Русских церковей!
 Кропите, слезные жемчуженки,
 Трон и алтарь.
 Крепитесь, верные содружники:
 Церковь и царь!

Отношение к власти у Марины Цветаевой выражено не только в стихах, но и в постскриптумах и в примечаниях к ним. Часто это обычные бытовые детали, которые, однако, свидетельствуют о реакции Цветаевой на происходившее. Вот яркий пример, примечание автора к стихотворению *Царь и Бог! Простите малым!*:

Москва, I-ая годовщина Октября. Дни, когда Мамонтов подходил к Москве – и вся буржуазия меняла керенские на царские – я одна не меняла (не только потому, что их не было, но и, потому, что знала, что не войдет в столицу – Белый полк)³.

В своеобразном одическом тоне звучит тема вольности в *Лебедином стане*. Отмечу, однако, что цветаевское представление о вольности соединяет в себе и семантику так нбазываемого русского разгула, шалости. Слово „свобода” для передачи этого смысла слишком узкое. Такие выводы тем более правомерны, если учесть идейное содержание стихотворений, специально посвященных свободе:

Из строгого, стройного храма
 Ты вышла на визг площадей...
 – Свобода! – Прекрасная дама
 Маркизов и русских князей.
 Свершается страшная спевка, –
 Обедя еще впереди!
 – Свобода! – Гуляющая девка
 На шальной солдатской груди!

³ Там же, с. 46.

Для Цветаевой ни „прекрасная дама“, ни „гуляющая девка“ не являются воплощением ее представления о том, что такое свобода для русского человека. Поэтому „Стенька Разин“ ей гораздо ближе русских князей и солдатских разгулов. В таких же контекстах дан Цветаевой образ Разина в стихотворении *Царь и Бог! Простите малым*. Царь и Бог здесь символизируют две стороны высшего правосудия, две стороны власти, а народ представлен образом Разина:

Царь и Бог! Простите малым –
Слабым – глупым – грешным – шалым,
В страшную воронку втянутым,
Обольщенным и обманутым, –
Царь и Бог! Жестокой казнию
Не казните Стеньку Разина!

В такой трагической для Цветаевой ситуации, когда на глазах рушились святые для нее вещи, гибли близкие люди, становится понятным смертельное отчаяние поэта, выраженное в стихах:

Что-то цепью за мной волочится,
Скоро громом начнет греметь.
Как мне хочется,
Как мне хочется –
Потихонечку умереть!

В этих словах не столько равнодушие, сколько презрение к власти, которая отнимает у человека возможность жить и творить. Совершавшаяся „быль“ братоубийственной войны была для Цветаевой прежде всего семейно-родственно-личной, ибо в ней участвовал ее муж, Сергей:

С лицом Андреевым – Остап,
С душой бойца – Андрей.
Каб сказ – Егорьем назвала б,
Быль – назову Сергей.

Имена гоголевских персонажей только усиливают трагичность ситуации. Во всех этих стихах „не было политики“, считает А. Саакянц, Цветаева по природе своей вообще не могла быть политиком, в ее поэзии – „тоска по обреченному герою“, „идеальному и благородному Воину“⁴.

⁴ Там же, с. 2.

*Olga Dubrowska***POEZJA MARINY CWIETAJEWEJ W KONTEKŚCIE PROBLEMU
„PI SARZ I WŁADZA”**

W pracy zostały ukazane złożone relacje między M. Cwietajewą a władzą radziecką z uwzględnieniem stosunku poetki do dziedzictwa historycznego i monarchii. Tragiczne przeżycia osobiste powodują, że rewolucję poetka postrzega jako bolesne doświadczenie życiowe, czemu daje wyraz w cyklu antyradzieckich wierszy o Białej Gwardii oraz w poemacie *Syberia* o zabójstwie carskiej rodziny. Złożone doświadczenia emigracyjne powodują złagodzenie postawy Cwietajewej (*Wiersze do syna*). Nie biorąc czynnie udziału w życiu politycznym swoich czasów, Cwietajewa zawsze broni humanitarnych wartości i otwarcie demonstrowa niechęć do europejskich totalitarnych reżimów.